УДК 811.122.2'04

DOI: 10.18384/2310-712X-2021-6-90-102

НЕМЕЦКИЙ ПЕРФЕКТ НА ПУТИ К ПРЕТЕРИТУ: СРЕДНЕВЕРХНЕНЕМЕЦКИЙ ПЕРИОД

Бондарь В. А.

Санкт-Петербургский государственный университет

199034, г. Санкт-Петербург, Университетская набережная, д. 7–9, Российская Федерация

Аннотация

Цель: в статье на материале корпуса средневерхненемецкого языка анализируются семантические изменения аналитического перфекта *haben/sein + PII*.

Процедуры и методы. Особое внимание уделяется контекстам, которые свидетельствуют о движении семантики конструкции в сторону прошедшего перфектива/претерита. В основе анализа контекстов лежит применение гипотезы С. Швентера о развитии перфектом прошедшего ходиернального значения в одном из современных диалектов испанского языка.

Результаты. В статье доказывается, что использование перфекта с именными группами, связанными с действиями исторических личностей, следует рассматривать как особое функциональное употребление перфекта со смещением дискурсного фокуса без изменения семантики конструкции. При этом немногочисленные примеры с наречиями точного прошедшего времени (*naht* 'ночью', *gestern* 'вчера') могут свидетельствовать о первых шагах перфекта в сторону претеритальной семантики. Удаётся подчеркнуть, что важную роль в ослаблении текущей релевантности в случае в средневерхненемецком языке могли сыграть глагольные формы, используемые для обозначения перфекта в экспериенциальном значении, особенно когда речь идёт о близкоудалённых временных точках (*этой ночью, вчера*).

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в теоретическое изучение аспектологии германских языков, в частности особенностей диахронического развития временной системы немецкого языка.

Ключевые слова: перфект, претерит, перфектив, экспериенциальное значение, глагольная семантика, средневерхненемецкий

GERMAN PERFECT ON THE PATH TOWARDS PRETERITE: THE MIDDLE HIGH GERMAN PERIOD

V. Bondar

Saint Petersburg State University

7-9 Universitetskaya naberezhnaya, St. Petersburg 199034, Russian Federation

© CC BY Бондарь В. А., 2021.

Abstract

Aim. The paper explores the use of the analytical perfect *haben/sein* + PII based on the sample retrieved from the corpus of Middle High German texts.

Methodology. A special emphasis is placed on the contexts, which may indicate the movement of the anterior semantics towards a past perfective/preterit. The analysis was based on the hypothesis proposed by S. Schwenter about the present perfect in present day Spanish dialects.

Results. It is proposed to view instances of *haben/sein* + PII with NPs connected to activities of historical figures as a special use of the perfect with a shift of the discourse topic, which does not contribute to the change of the anterior semantics. In the meanwhile, examples, though not frequent, with temporal adverbs of the definite past time, such as *naht* (at night), *gestern* (yesterday), may point to the first steps of the present perfect moving towards a preterit. It is also noted that a significant role in the process of the loss of the current relevance is played by atelic verbs, which are used with the experiential perfect to denote not far remote events (this night, yesterday).

Research implications. The research results contribute to the theoretical study of aspectology of the Germanic languages, in particular, the specifics of the diachronic evolution of the German temporal system.

Keywords: perfect, preterit, perfective, experiential perfect, verbal semantics, Middle High German

Введение

В процессе грамматикализации немецкий аналитический перфект проходит путь от результитивной до претеритальной семантики [4; 5]. Если на ранних этапах конструкция *haben/sein* + причастие прошедшего времени (*Participium Praeteri*, далее PII) имеет видовое значение, то уже в новонемецкий период оно утрачивается, и перфект (*Perfekt*) (сложное прошедшее) «по своему значению в основном совпадает с простым» прошедшим [2, с. 255]. При этом видовое значение может выражаться лексически (с помощью, например, наречия *bereits* ‘уже’) или содержаться в лексической семантике самого глагола.

В принципе, вопрос о том, является ли аналитическая конструкция *haben/sein* + PII в современном немецком языке собственно прошедшим временем или особой формой перфекта, которая наряду со всеми известными перфектными прочтениями (результативный, экспериенциальный, иммедиатный, континуативный перфект [7, р. 52–53]) способна выражать претеритальное значение и использоваться в контекстах точного прошедшего времени и нарративных пассажах, остается по-прежнему дискуссионным (ср. [11; 12; 13; 15]).

Показателен эксперимент, проведенный М. Генниг [11, S. 29–30], которая предложила 182 носителям современного немецкого языка две завершающие фразы в «Страданиях юного Вертера» И. Гете, меняя *Handwerker trugen ihn. Kein Geistlicher hat ihn begleitet* на ** *Handwerker haben ihn getragen. Kein Geistlicher begleitete ihn*. (Гроб несли мастеровые. Никто из духовенства не сопровождал его. – перевод Н. Касаткиной). Любопытно, что 119 человек заявили, что не видят никакой разницы между этими двумя версиями. Данные результаты можно интерпретировать двояко: как полную глухоту опрошенных к языку или – как это интерпретирует М. Генниг – как свидетельство того, что в настоящее время аналитический перфект в немецком языке всё больше смещается в сферу претерита. Как отмечает Э. Лайсс, *haben*-перфект развился в прошедшее время (*Vergangenheitstempus*), а примеры результитивного перфекта с *haben* (*Resultative Perfektvorkommen mit haben*) находятся за пределами системы (*stehen außerhalb des Systems*). Таким образом, по мнению автора, ‘новый перфект’ представляет собой не что иное как аналитический претерит [13, S. 278].

Вне зависимости от того, является ли немецкий перфект аналитическим прете-

ритом или особым перфектом с дополнительным претеритальным прочтением, необходимо определить, когда и каким образом возникает возможность использовать данную форму в темпорально специфицированных контекстах и нарративных контекстах прошедшего времени. Данный вопрос актуален ещё и потому, что презентный перфект в английском языке, который на определённых этапах (среднеанглийский период) шёл по тому же грамматикализационному пути что и немецкий перфект, в настоящее время не допускает употребления в прошедших контекстах, а следовательно, не обладает претеритальной семантикой.

Материал и метод исследования

Анализ языковых явлений, несмотря на явные преимущества работы с обширным корпусным материалом, в данном случае сопряжён с рядом трудностей. Сложность языковой ситуации в средненемецком период заключается не только в многообразии представленных жанров, широком диалектном диапазоне произведений, но и их прагматической и стилистической дифференциации и направленности [1, с. 76, 104]. Это затрудняет уточнение временной локализации и установление языкового ареала, в котором формировалась и откуда распространялась новая, претеритальная семантика перфекта.

Как отмечает Ю. С. Маслов, в своём развитии перфект на разных этапах демонстрирует более быстрое и широкое развитие именно в устной речи, в то время как языки литературных памятников всё ещё показывают семантически предшествующую стадию с определёнными ограничениями в употреблении: «... латинская письменность вплоть до Григория Турского не знает “беспредметных”, т. е. безобъектных, случаев посессивной конструкции и вовсе не знает типа **habeo dormitum*, а в романских языках уже в самых ранних памятниках застаём полный расцвет посессивного перфекта, в том

числе даже непереходного» [3, с. 272], из чего делается вывод, что более продвинутые стадии эволюции перфекта могут существовать в языке народных масс и не всегда отражаются в литературных памятниках. Эта гипотеза в полной мере применима к перфекту в германских языках, в частности, к немецкому перфекту.

Поскольку средневерхненемецкий язык является литературным языком, сложно определить, насколько и каким образом в литературный язык просачивались грамматические инновации разговорной речи, которая для данного периода практически не зафиксирована в письменных источниках. Как отмечает Н. Н. Семенюк, хотя влияние устных форм на письменную речь отнюдь не исключено, такое взаимодействие остаётся на уровне гипотез [1, с. 76]. Несмотря на существование работ, в которых теоретическому осмыслению и эмпирическому анализу подвергается связь между распределением / предпочтением времён (перфекта и претерита) и устностью (ср., например, [21]), связь временной грамматики с устной речью остаётся, по существу, неустановленной и требует дальнейших исследований.

Социолингвистический аспект использования перфекта останется за рамками нашего исследования, а изменения функционально-семантических свойств перфекта будем приписывать конкретному диалекту или литературной норме в том случае, когда примеры зафиксированы в тех текстах, которые обладают точной, исчерпывающей информацией о жанре и времени создания памятника.

В данной статье на материале примеров из Корпуса средневерхнемецких литературных текстов (Referenzkorpus Mittelhochdeutsch, 1050-1350)¹, анализируются причины начала аористизации, т. е. движения немецкого перфекта в сторону претерита. Используемый в ра-

¹ Referenzkorpus Mittelhochdeutsch (1050-1350) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.linguistics.rub.de/rem> (дата обращения: 01.05.2021).

боте корпус насчитывает около миллиона словоформ и включает поэтические и прозаические тексты разных жанров и диалектов. Настоящее исследование ограничивается анализом конструкции *haben + PII*. Для этого были отобраны и рассмотрены все контексты использования словоформ **hab-* (без диакритики) + *PII*, а затем осуществлён поиск и анализ контекстов, где анализируемая конструкция используется с обстоятельствами времени *naht* (ночью) и *gestern* (вчера).

Обзор литературы

Если вокруг семантики древневерхне-немецкой конструкции *habēn/eigan + PII* ведутся споры относительно степени её грамматикализации, т. е. вправе ли мы считать данную конструкцию результативным перфектом или всё ещё предикативной конструкцией со статальной результативной семантикой, результативом (обзор работ см. в [10, S. 143–148]), то в средневерхненемецкий период перед нами перфект с широко развитыми значениями. Перфект глубоко продвинулся по пути грамматикализации и теперь указывает на действие, результаты которого важны или определённым образом связаны с моментом говорения [16, S. 28]. Дискуссии теперь сосредоточены на вопросе о том, происходит ли деаспектуализация средневерхненемецкого перфекта и его смещение в темпоральную семантику. Возникает вопрос: может ли средневерхненемецкий перфект использоваться для выражения прошедших событий? (ср. [16, S. 28; 9, S. 150]).

Из всех известных нам рассуждений о семантических свойствах перфекта в средневерхненемецком подробнее рассмотрим идеи, предложенные в работе З. Дентлер [9]. Данное исследование интересно тем, что автор детально прорабатывает на примере широкого корпуса текстов поэтапный сценарий развития перфекта, включая средневерхненемецкий период. В исследовании выделяются три главные категории, к которым можно

свести семантику конструкции *haben + PII* на разных этапах её развития от древневерхненемецкого до нововверхненемецкого: результатив, презентный перфект и общее прошедшее время (фактически претерит). Наряду с этим автор также выделяет так называемые функциональные сферы (*Funktionsbereiche A, -B, B, B+, C*) характерные для каждой категории, а также этапы их существования в диахронии.

Так если сфера *A* представлена результатом и частично презентным перфектом, который находит широкое распространение в поздних древневерхненемецких произведениях, то сфера *-B* охватывает средневерхненемецкий период и фактически связана с расширением семантики перфекта, т. е. развитием таких значений, как экспериенциальное, континуативное, а также частично иммедиатное или 'новостное' ('hot news'). Данные виды перфекта зачастую употребляются с соответствующими временными наречиями, такими как *lange* (долго), *selten* (редко), *dârföre* (ранее), *wol* (вполне, весьма) и т. д. Частотность таких примеров возрастает, начиная с XI в. [9, S. 96 et passim].

Сфера *B* выступает в качестве переходного периода от перфектного к перфективному / претеритальному значению. Теперь *haben + PII* можно встретить в претеритальных контекстах, однако конструкция не используется для продвижения нарративной цепочки событий, а проявляет в таких контекстах особые функциональные характеристики: вводная или заключительная речь, комментарии, которые отражают позицию автора или повествователя [9, S. 112–120], т. е. выступает в роли нарративного перфекта.

Особенностью сферы *B+* выступает использование перфекта в прошедших контекстах точного времени для обозначения результатов, которые встроены в настоящий контекст и относятся к изолированному в контексте речи факту. Указание на прошедшее время может осуществляться через использование

темпоральных наречий, а также именных групп, которые указывают на исторические личности, примеры которых в корпусе 3. Дентлер встречаются уже в XII в. [9, S. 126].

Наконец, последний этап (сфера C) в семантической эволюции перфекта, когда конструкция развивает претеритальное значение, встраивается в прошедший контекст, используется с темпоральными наречиями точного прошедшего времени, в корпусе исследователя фиксируется лишь начиная с XIV в. [9, S. 146].

Анализ данных

Нарративный перфект

Основываясь на данных, представленных 3. Дентлер, можно сделать ряд выводов. Прежде всего, по мнению автора, для смещения семантики перфекта в сторону претерита существенным моментом (переходным мостиком) выступают нарративные пассажи, в которых перфект используется не для продвижения точечных, оторванных от момента речи прошедших событий (дейктическое время), но скорее для той или иной связи прошедших событий с моментом говорения. Это перекликается с гипотезой, выдвинутой П. Каудалем относительно семантической эволюции французского перфекта (*passé composé*), который в старофранцузский период встречается в нарративных событийных цепочках (*sequence of events, SOE*) и благодаря взаимодействию конструкции с определёнными прагматическими, дискурсивными характеристиками нарративного контекста (*SOE*) через синтаксически маркированные и дискурсивно мотивированные нарративные структуры, начинает развивать перфективное / претеритальное значение [6, p. 199].

Использование презентного перфекта в нарративных пассажах, как это ни удивительно, широко распространено в английском и его вариантах, где перфект, тем не менее, сохраняет своё перфектное значение, но используется в таких контекстах для достижения определённых

нарративных эффектов: создание эффекта сопричастности или удивления, выделения действия из цепочки событий, которое как бы погружает слушающего в гущу событий [18; 20]. Иными словами, такое употребление никоим образом не указывает на перфективную или претеритальную семантику английского перфекта и является особым прагматическим использованием. В современном английском и его вариантах данное употребление перфекта не даёт никаких оснований полагать, что презентный перфект движется в сторону претерита, как нет оснований относить *praesens historicum* к прошедшему времени, а не рассматривать его как особый приём употребления настоящего времени в контекстах прошедшего времени.

Следовательно, выделенные 3. Дентлер случаи употребления перфекта в нарративных контекстах для комментария, введения или завершения речи, с нашей точки зрения не являются убедительным свидетельством начала аористизации перфекта. Вторым, более продвинутым этапом, как полагает 3. Дентлер, является сфера употребления перфекта в прошедших контекстах как с темпоральными наречиями, так и с именными группами, указывающими на исторические личности. Здесь, в частности, срабатывает известное в английском языке правило *lifetime effect*, т. е. невозможность использовать перфект по отношению к тем людям, которых нет в живых. Этот эффект иллюстрируется знаменитым примером с А. Эйнштейном и Принстоном: фраза *Einstein has visited Princeton* будет аграмматичной, поскольку текущая релевантность фокусируется на действии, выполненном человеком, которого нет в момент речи в противовес примеру *Princeton has been visited by Einstein*, где в фокусе (*topic*) Принстон и всё, что на момент говорения с ним связано. Более того, первый вариант становится возможным, если мы отвечаем на вопрос о том, кто из знаменитых людей посещал Принстон,

при условии, что перфект подразумевает определённую повторяемость [17, р. 464, 505–506]. В этом случае в фокусе дискурса находится Принстон, а не результат совершенного действия или опыт, приобретённый агенсом (субъектом) действия (Эйнштейном).

В нашем корпусе мы также находим примеры, в которых действие исторических личностей может передаваться с помощью *haben* + *PII*:

(1) Dâvît, psalmista, **hât** von in **geschriben** dâ ...

Давид Псалмопевец о них там написал ...

(M205A: Pfaffe Konrad: 'Rolandslied' (A) [XII в. (?), баварский диалект, переложение со старофранцузской поэмы «Песнь о Роланде»], строки 3453, 3454).

(2) dannin der herre dauid **gesprochen hat** ...

Об этом царь Давид сказал ...

(M165: Hoffmannsche Predigtsammlung [XII / XIII вв. (?), проза, западнобаварский-восточноалеманнский диалект], f. 30r, Z. 9).

Как видим из примеров (1) и (2), перфект используется в отношении высказываний библейского царя. Перевод с французского, очевидно, не влияет на выбор формы, при этом в корпусе наблюдается определённое варьирование перфекта и претерита. В других произведениях в аналогичных контекстах находим претерит: dauid **sprach** alsvs, also dauid **sprach** (так **говорил** Давид [M121y: Kaiserchronik A – V, ок. 1140/50 (?), поэзия, баварский диалект, строка 09060]). Более того, в похожем смысловом окружении используется и настоящее время: disiv wort **chundet** iwer wissâge dauid (эти слова **возвещает** ваш пророк Давид). Наконец есть контексты, где презенс и перфект параллельно используются в отношении совершённых историческими личностями действий: sô uns Arator **saget**, der von in **geschriben habet** (так нам **говорит** Аратор, который о них **написал** [M199B: Mittelfränkische Reimbibel B, ок. 1100, поэзия, баварский

диалект строки 484a–484b]). Такие примеры можно сопоставлять с употреблением *praesens historicum*: в обоих случаях действие относится к прошлому, а первоначальное значение форм относится к настоящему. Зачастую в подобных контекстах используются глаголы говорения или глагол *schriben* «писать»:

(3) Der brief dutet alsvs. Bartholomeus der maister daz er vns an dise[m] uochegeleret hat. alliv div dinch. div er versvhte. daz si war sint in den chriechischen buochen. vnt daz er den wech vn[t] die rehten chvnst geleret hat. die wir vinden svln. in den chrichischen buochen. di daz **geschriben habent**. die chrichschen arzet. yprocas. Gallienus vnt Constantinus.

*Сие заглавие гласит, что он, магистер Бартоломеус, научил нас в этой книге всем вещам, по поводу которых он убедился на своём опыте, что они в греческих книгах верны, – и что он научил [нас] методу и правильному искусству, каковые найдём мы в греческих книгах, которые **написали** греческие врачи Гиппократ, Гален и Константин.*

(M302: Bartholomäus (M1) [XII в., проза, баварский диалект], f. 01ra, Z. 18–21).

(4) hier beginnet daz arzetbuoch Iprocatis, daz er **habet geschriben** wider allen den sühten, die dâr mügen erwahsen in allen den mennischlichen liden.

*Здесь начинается врачебная книга Гиппократа, которую он **написал** против всех болезней, которые могут развиться во всех членах человеческого тела.*

(M015: Bamberger Arzneibuch [XII в., проза, рейнфранкский диалект, перев. с лат.], f. 1r, Z. 22–24).

Использование перфекта в контекстах (3)–(4) можно объяснить с точки зрения дискурсного фокуса (*discourse topic*), как и в вышеприведённых примерах с Эйнштейном и Принстоном. Как указывает П. Портнер, одним из ведущих свойств дискурсного фокуса является набор контекстуально заданных пропозиций, т. е. определённые вопросы, необязательно эксплицитно заданные, на которые гово-

рящие стремятся дать ответ в разговоре [17, р. 501]. В наших примерах внимание фокусируется не на завершённости процесса написания книги, а скорее на обсуждении важности книги и содержащейся в ней информации. Точно так же, как в примере с Эйнштейном топик, при котором будет возможно использование перфекта, сводится к формулировке «обсуждение посещений Принстона Эйнштейном», так и в (3)–(4) топик, делающий употребление перфекта уместным, можно определить как «обсуждение пользы и важности изучения книг, написанных античными учёными». Кроме того, в современном английском, как и в диахронической перспективе, в ряде литературных произведений разных жанров, мы зачастую встречаем такого рода примеры, в которых в фокусе стоит обсуждение важности достижений, совершённых историческими личностями, или их высказывания:

(5) My fourth chapter looks to the seventh satire of the first book as an antithetical example of the program of satire and friendship Horace **has created** thus far ...¹

В четвёртой главе рассматривается седьмая сатира первой книги как противоположный пример программы сатиры и дружбы, которую Гораций **создал** на данный момент ...

В следующем примере с перфектом используется глагол говорения, а в фокусе цитата из Бернарда Шоу:

(6) Bernard Shaw **has said** that “England and America are two countries separated by the same language”.

Бернард Шоу **сказал**, что «Англия и Америка – две страны, разделённые одним и тем же языком» (взято из статьи в New York Times от 28 марта, 1943 года²)

Кроме того, презентный перфект может использоваться в нарративных, вневременных контекстах, где описываемое явление или предмет, созданный давно, как бы предстаёт перед слушателями как результат недавно совершенного события, обладающего очевидной текущей релевантностью и результативностью:

(7) Rubens **has created** a strong diagonal emphasis by placing the base of the cross at the far lower right of the composition ...³

Рубенс **создал** сильную идущую по диагонали линию, основание которой исходит от основания креста в дальнем правом углу картины ...

Таким образом, в описываемых примерах важным становится ряд критериев, наличие которых делает возможным употребление перфекта без изменения его семантики в тех контекстах, где на первый взгляд, можно было бы усмотреть движение к претеритальной семантике: дискурсный фокус, текущая релевантность и результирующее состояние, а также удалённость события от точки говорения (*Extended Now Theory*, в рамках которой, в частности, объясняется аграмматичность таких примеров как **Gutenberg has invented the art of printing*, см. в [14; 17]). Обсуждаемые примеры, следовательно, с нашей точки зрения, не являются достаточным основанием считать их первыми шагами движения перфекта по направлению к перфективной / претеритальной семантике. Аналогичные примеры в современном стандартном британском английском и его вариантах выступают в качестве дополнительного аргумента в пользу нашей трактовки.

В следующем разделе мы разберём примеры, которые, с нашей точки зрения, можно рассматривать как указание на перфективную / претеритальную семантику средневерхненемецкого перфекта, и дадим объяснение причинам такого сдвига.

¹ См.: Wright M. B. The Liber Amicus: Studies in Horace Sermones I: Dissertation for the Degree of Doctor of Philosophy. The Ohio State University, 2014. 264 p. С. iii

² См.: Humour across the seas [Электронный ресурс] // The New York Times : [сайт]. URL: <https://www.nytimes.com/1943/03/28/archives/humor-across-the-seas.html> (дата обращения: 01.05.2021).

³ См.: Menzies B., Menzies T. Art expressions. Finding inspiration in the world's great art. Springfield, Missouri: Senior Moments Publishing, 2019. P. 164.

Степень удалённости события и семантика перфекта

Анализируя семантику перфекта в испанском диалекте города Аликанте (детальное описание особенностей данного диалекта см. в [19, p. 80–81], С. Швентер приходит к выводу, что движение презентного перфекта в сторону перфектива, т. е. выражение темпорально ограниченной ситуации (*situation viewed as bounded temporally* [5, p. 54]) со способностью к сочетанию с темпоральными наречиями точного прошедшего времени, происходит через развитие прошедшей ходиернальной семантики. Автор выделяет 7 этапов:

1. Перфект используется исключительно для выражения антериорного (перфектного) значения.

2. Перфект выражает недавние события с текущей релевантностью (например *'hot news'*).

3. Перфект используется для выражения иммедiatных / недавних прошедших событий, в которых отсутствует текущая релевантность.

4. Перфект употребляется для обозначения прошедших событий, произошедших в тот же день, что и момент речи (наряду с претеритом).

5. Перфект выражает прошедшие события сегодняшнего дня (*today*), в частности с временными наречиями точного прошедшего времени.

6. Перфект вытесняет претерит как ходиернальное перфективное прошедшее время, в частности в нарративных контекстах для обозначения ходиернального значения (*today*).

7. Перфект постепенно распространяется на все прошедшие (перфективные) ситуации вне зависимости от степени их удалённости от момента речи, становясь общим прошедшим перфективным временем и вытесняя претерит, который сохраняется в письменной речи и других более формальных разговорных регистрах [19, p. 99].

Применяя и модифицируя предложенный С. Швентером подход, мы

предлагаем под этим углом рассмотреть процессы, которые происходили с перфектом в средневерхненемецкий период. Действительно, детальный анализ, проведённый З. Дентлер, наглядно демонстрирует развитие в средневерхненемецком таких значений, как экспериенциальное, континуативное и новостное *'hot news'*, которое связано с выражением иммедiatных событий, представленных в виде новой важной информации. Как видим, средневерхненемецкий перфект прошёл три стадии по шкале С. Швентера. Более того, если мы обратимся к нашему корпусу, то увидим, что перфект варьирует с претеритом для выражения событий, произошедших в течение дня, связанного с моментом говорения, т. е. достиг четвёртой стадии.

(8) *der hât uns hiute gegeben eine grôze gebe ...*

... который нам сегодня передал великий дар ...

(M214Y: *Speculum ecclesiae* [текст XIII в., проза, среднебаварский диалект], f. 48v, Z. 7).

(9) *sun mîn bist dû. ich hiute gebar dich. Ты мой сын. Я сегодня тебя породил.*

(M193: *Millstätter Interlinearversion zum Psalter*, [текст XIII в., проза, баварский диалект], f. 5r, Z. 15, f. 5v, Z. 1).

Хотя перфект всё же превалирует в употреблении с темпоральным наречием *hiute*, в идентичных контекстах с одинаковыми глагольными лексемами можно наблюдать варьирование с претеритом:

(10) *der als hiute her in erde kom ze trôste unde ze genâden aller der werlte.*

... который днесь сошел сюда на землю во утешение и благодать всему миру.

(M214Y: *Speculum ecclesiae* [текст XIII в., проза, среднебаварский диалект], f. 16r, Z. 12–13).

(11) *hiute ist komen der tac ...*

Сегодня пришел тот день ...

(M205A: *Pfaffe Konrad: 'Rolandslied'* (A), строка 8428).

В отличие от современного диалекта испанского языка в Аликанте, средне-

верхненемецкий материал, имеющийся в нашем распоряжении не даёт таких примеров, в которых перфект переходил бы в ходиернальный перфектив, т. е. обозначал действие, завершённое в этот же день (*сегодня*), но с наречиями точного времени, например, *мы сегодня купили фрукты в 8 часов утра* (перфект выражает прошедшие события сегодняшнего дня по шкале С. Швентера). Однако у нас есть примеры, которые по своей сути близки к данной стадии. В корпусе находим немногочисленные примеры использования темпоральных наречий точного прошедшего времени, которые указывают на близкоудалённое прошедшее время: *naht* (прошлой ночью) и *gesteren* (вчера). Рассмотрим данные примеры.

(12) *praeseptor per totam noctem laborantes nihil cepimus* (Лука 5:5).

Gebytre durch dise gantze nacht **habe** wir **geerbeitet**. Ven **habin** nichtis nicht **gevangen**.

Господин, мы **трудились** всю ночь и ничего не **поймали**.

(M318: Evangelienbuch des Matthias von Beheim [текст XIV в., проза, восточно-средненемецкий диалект], f. 43v, Z. 19–20).

Латинский оригинал не даёт оснований говорить о возможном влиянии на перевод: в тексте Евангелия от Луки 5:5 находим греческое причастие *κοπιῶσαντες*, переданное латинским *laborantes*, которое также имеет претеритальное значение, но на немецкий переведено аналитической формой перфекта. Кроме того, быстрый взгляд на переводы Библии в немецком и английском показывает, что в немецком (например, перевод Лютера, первая половина XVI в.) используется аналитический перфект, в современной стандартной версии на английском языке используется простое прошедшее. Интересно отметить, однако, что в переводе Тиндейла, первая половина XVI в. и Библии короля Якова, начало XVII в., как и в немецких переводах, также используется аналитический перфект (*have worked*).

В примере (12) глагол *arbeiten* явля-

ется динамическим, непределённым; по классификации Вендлера он принадлежит к классу глаголов деятельности (*activity verbs*) и может сочетаться с формами перфекта. Представляется резонным интерпретировать такие формы как экспириенциальный перфект, указывающий на совершение в течение определённого отрезка времени действие, вероятно повторяемое, в результате которого у субъекта действия появляется опыт, релевантный для момента речи, а не как континуативный перфект, подразумевающий, что начавшаяся в прошлом ситуация продолжает в момент речи [7, р. 52]. Для экспириенциального перфекта характерно то, что текущая релевантность в нём ослаблена, в силу чего, например, в английском и его вариантах, в экспириенциальных контекстах предпочтение отдаётся простому прошедшему времени [8, р. 60]. Текущая релевантность сохраняется в примере (12) благодаря результативному перфекту, который используется в последующем предложении, выступающем как выражение логического вывода предшествующего действия. Отсутствие в *habe geerbeitet* текущей релевантности, а также незначительная временная удалённость от момента речи делают возможным использование наречия *naht*.

Следующий шаг в аористизации перфекта представлен в примере (13):

(13) wir sprechen ofte zesamen: “**hân** [!] ich dir **gesteren gedienet**, sô diene dû mir hiute. der gotessun **hât** uns gedienet, nû ist billich, daz wir im ouch dienen. er **hât** uns lange **gedienet** und getriuwelichen. lange **hât** er uns gedienet, driu und drîzige jâr getriuwelichen”.

Мы говорим часто вместе: «я тебе **служил** вчера, так послужи ты мне сегодня. Сын Божий нам служил, теперь же должно и нам послужить ему. Он служил нам долго и верно. Служил он нам долго, тридцать три года, [и] верно».

(M168: Leysersche Predigten (M/G T 15) [текст XIII в., проза, южнобаварский диалект], f. 14rb, Z. 38–44, f. 14va, Z. 1).

В данном примере также используется динамический, неопределённый глагол класса деятельности (*dienen*), что позволяет интерпретировать значение перфекта (*hât gedienet*) как экспериенциальное, которое соотносится с другим экспериенциальным употреблением перфекта в данном пассаже (*hât uns lange gedienet*). Степень удалённости действия также незначительная: вчера противопоставит сегодня, как бы составляя один временной континуум, аналогично тому, что мы наблюдаем в примере (12).

Исходя из вышеприведённых примеров, мы предполагаем, что в средневерхненемецком (около XIII в.) начинается смещение перфекта (изначально экспериенциального, с ослабленной текущей релевантностью) в сторону перфектива, который контекстуально обладает определённой релевантностью для момента говорения. Сдвиг развивается в контекстах с ближайшим временным удалением от точки говорения, которое могло восприниматься как обладающее непосредственной связью с моментом речи (ср. ночь-день, в который произносится речь, вчера-сегодня). Изначально разделение могло быть похожим на то, что мы имеем в современном английском: речь, произнесённая утром, если утро ещё не закончилось, с большой долей вероятности потребует от говорящего употребления перфекта (*This morning I have woken up quite early* «Сегодня утром я проснулся довольно рано»), произнесённая же вечером – простое прошедшее. Однако отсутствие текущей релевантности в экспериенциальном перфекте, восприятие прошлой ночи как непосредственной части дня, а также преобладание перфекта для выражения действий, совершенных в течение дня (сегодня) – всё это могло способствовать восприятию контекстов подобных (12) и (13) как выражения завершённого прошедшего действия (перфект выражает прошедшие события сегодняшнего дня (ночи), в частности с временными наречиями точного прошедшего времени по шкале С. Швентера).

Выводы

В данной статье мы продемонстрировали на примерах, взятых из корпуса средневерхненемецких текстов, что изменения в семантике аналитического перфекта в немецком языке могли начаться уже на ранних этапах (XIII–XIV вв.), когда экспериенциальный перфект с ослабленной текущей релевантностью использовался для обозначения близкоудалённых во времени событий, примыкающих к моменту речи. Используя гипотезу С. Швентера о развитии перфектом ходиерального значения, мы предполагаем, что начальный этап развития претеритального значения отражается в тех примерах, где ближайшим временем выступает предшествующая часть суток – *прошедшая ночь*, с последующим аналогичным распространением на предшествующий день – *вчера*. В таких примерах перфект, приобретающий претеритальную семантику, отражает случаи, когда текущая релевантность передаётся через ближайший контекст, а не через саму конструкцию. Общее количество таких употреблений, однако, крайне ограничено, что, как мы полагаем, может быть связано с жанровым своеобразием дошедших до нас текстов данной эпохи.

Использование же перфекта в средневерхненемецком периоде в нарративных пассажах мы рассматриваем как особое функциональное использование презентного перфекта, связанного с определёнными дискурсными характеристиками, которые не способствуют процессу аористизации. Это утверждение находит дополнительное подтверждение в существовании аналогичных примеров в английском языке и его вариантах. Эти примеры фиксируются, начиная со среднеанглийского периода; они также не свидетельствуют о развитии у английского перфекта претеритальной семантики.

Статья поступила в редакцию 31.05.2021.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гухман М. М., Семенюк Н. Н. История немецкого литературного языка. М.: Наука, 1983. 200 с.
2. Жирмунский В. М. История немецкого языка; изд. 3-е. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1948. 300 с.
3. Маслов Ю. С. Избранные труды: Аспектология. Общее языкознание / сост. и ред. А. В. Бондарко, Т. А. Майсак, В. А. Плунгян. М.: Языки славянской культуры, 2004. 840 с.
4. Маслов Ю. С. Результатив, перфект и глагольный вид // Типология результативных конструкций / ред. В. П. Недялков, С. Е. Яхонтов. Л.: Наука, 1983. С. 41–54.
5. Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. The evolution of grammar: Tense, aspect, and modality in the languages of the world. Chicago: University of Chicago Press, 1994. 420 p.
6. Caudal P. The passé composé in Old French and Modern French: evolution or revolution // Guéron J. Sentence and Discourse. Oxford: Oxford University Press, 2015. P. 178–203. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198739418.003.0009.
7. Comrie B. Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems. Cambridge – New York: Cambridge University Press, 1976. 142 p.
8. Davydova J. The present perfect in non-native Englishes: A corpus-based study of variation. Berlin – Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2011. 340 p. (Series: Topics in English Linguistics, vol. 77).
9. Dentler S. Zur Perfekterneuerung im Mittelhochdeutschen: die Erweiterung des zeitreferentiellen Funktionsbereichs von Perfektfügungen. Göteborg: Acta Universitatis Gothoburgensis, 1997. 197 S. (Series: Göteborger germanistische Forschungen, vol. 37).
10. Gillmann M. Perfektkonstruktionen mit ›haben‹ und ›sein‹: Eine Korpusuntersuchung im Althochdeutschen, Altsächsischen und Neuhochdeutschen. Berlin – Boston: Walter de Gruyter GmbH, 2016. 333 S. (Series: Studia Linguistica Germanica, vol. 128).
11. Hennig M. Tempus und Temporalität in geschriebenen und gesprochenen Texten. Tübingen: Max Niemeyer Verlag GmbH, 2000. 219 S. (Series: Linguistische Arbeiten, vol. 421).
12. Klein W. An analysis of the German Perfekt // Language. 2000. Vol. 76. No. 2. P. 358–382. DOI: 10.2307/417660.
13. Leiss E. Die Verbalkategorien des Deutschen: Ein Beitrag zur Theorie der sprachlichen Kategorisierung. Berlin – New York: De Gruyter, 1992. 334 S. (Series: Studia Linguistica Germanica, vol. 31).
14. McCoard R. W. The English perfect: Tense-choice and pragmatic inferences. Amsterdam: North-Holland Publishing Company, 1978. 288 p.
15. Musan R. The German perfect: its semantic composition and its interactions with temporal adverbials. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 2002. 275 S. (Series: Studies in Linguistics and Philosophy).
16. Oubouzar E. Über die Ausbildung der zusammengesetzten Verbformen im deutschen Verbalsystem // Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur (H). 1974. Vol. 95. S. 5–96.
17. Portner P. The (temporal) semantics and (modal) pragmatics of the perfect // Linguistics and philosophy. 2003. Vol. 26. Iss. 4. P. 459–510. DOI: 10.1023/A:1024697112760.
18. Ritz M. E A., Enge D. M. “Vivid narrative use” and the meaning of the present perfect in spoken Australian English // Linguistics. 2008. Vol. 46. Iss. 1. P. 131–160. DOI: 10.1515/LING.2008.005.
19. Schwenter S. A. The grammaticalization of an anterior in progress: Evidence from a peninsular Spanish dialect // Studies in Language. 1994. Vol. 18. Iss. 1. P. 71–111. DOI: 10.1075/sl.18.1.05sch.
20. Williams E. The present perfect in English media discourse in the UK // Vigo International Journal of Applied Linguistics. 2006. No. 3. P. 9–26.
21. Zeman S. Tempus und “Mündlichkeit” im Mittelhochdeutschen: zur Interdependenz grammatischer Perspektivensetzung und “Historischer Mündlichkeit” im mittelhochdeutschen Tempussystem. Berlin: Walter de Gruyter, 2010. 380 S.

REFERENCES

1. Gukhman M. M., Semenyuk N. N. *Istoriya nemetskogo literaturnogo yazyka* [History of the German literary language]. Moscow, Nauka Publ., 1983. 200 p.
2. Zhirmunskii V. M. *Istoriya nemetskogo yazyka* [History of the German language]. Moscow, Izdatel'stvo literatury na inostrannykh yazykakh Publ., 1948. 300 p.
3. Maslov Yu. S. *Izbrannye trudy: Aspektologiya. Obshchee yazykoznanie* [Selected Works: Aspectology. General linguistics]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2004. 840 p.

4. Maslov Yu. S. [Resultative, perfect and aspect]. In: Nedyalkov V. P., Yakhontov S. E., eds. *Tipologiya rezul'tativnykh konstruktii* [Typology of resultative constructions]. Leningrad, Nauka Publ., 1983, pp. 41–54.
5. Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. The evolution of grammar: Tense, aspect, and modality in the languages of the world. Chicago, University of Chicago Press, 1994. 420 p.
6. Caudal P. The passé composé in Old French and Modern French: evolution or revolution. In: Guéron J. *Sentence and Discourse*. Oxford, Oxford University Press, 2015. P. 178–203. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198739418.003.0009.
7. Comrie B. Aspect: An introduction to the study of verbal aspect and related problems. Cambridge, New York, Cambridge University Press, 1976. 142 p.
8. Davydova J. The present perfect in non-native Englishes: A corpus-based study of variation. Berlin, Boston, Walter de Gruyter GmbH, 2011. 340 p. (Series: Topics in English Linguistics, vol. 77).
9. Dentler S. Zur Perfekterneuerung im Mittelhochdeutschen: die Erweiterung des zeitreferentiellen Funktionsbereichs von Perfektfügungen. Göteborg, Acta Universitatis Gothoburgensis, 1997. 197 S. (Series: Göteborger germanistische Forschungen, vol. 37).
10. Gillmann M. Perfektkonstruktionen mit ›haben‹ und ›sein‹: Eine Korpusuntersuchung im Althochdeutschen, Altsächsischen und Neuhochdeutschen. Berlin, Boston, Walter de Gruyter GmbH, 2016. 333 S. (Series: Studia Linguistica Germanica, vol. 128).
11. Hennig M. Tempus und Temporalität in geschriebenen und gesprochenen Texten. Tübingen, Max Niemeyer Verlag GmbH, 2000. 219 S. (Series: Linguistische Arbeiten, vol. 421).
12. Klein W. An analysis of the German Perfekt. In: *Language*, 2000, vol. 76, no. 2, pp. 358–382. DOI: 10.2307/417660.
13. Leiss E. Die Verbalkategorien des Deutschen: Ein Beitrag zur Theorie der sprachlichen Kategorisierung. Berlin, New York, De Gruyter, 1992. 334 S. (Series: Studia Linguistica Germanica, vol. 31).
14. McCoard R. W. The English perfect: Tense-choice and pragmatic inferences. Amsterdam, North-Holland Publishing Company, 1978. 288 p.
15. Musan R. The German perfect: its semantic composition and its interactions with temporal adverbials. Dordrecht, Kluwer Academic Publishers, 2002. 275 S. (Series: Studies in Linguistics and Philosophy).
16. Oubouzar E. Über die Ausbildung der zusammengesetzten Verbformen im deutschen Verbsystem. In: *Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur (H)*, 1974, vol. 95, S. 5–96.
17. Portner P. The (temporal) semantics and (modal) pragmatics of the perfect. In: *Linguistics and philosophy*, 2003, vol. 26, iss. 4, pp. 459–510. DOI: 10.1023/A:1024697112760.
18. Ritz M. E. A., Enge D. M. “Vivid narrative use” and the meaning of the present perfect in spoken Australian English. In: *Linguistics*, 2008, vol. 46, iss. 1, pp. 131–160. DOI: 10.1515/LING.2008.005.
19. Schwenter S. A. The grammaticalization of an anterior in progress: Evidence from a peninsular Spanish dialect. In: *Studies in Language*, 1994, vol. 18, iss. 1, pp. 71–111. DOI: 10.1075/sl.18.1.05sch.
20. Williams E. The present perfect in English media discourse in the UK. In: *Vigo International Journal of Applied Linguistics*, 2006, no. 3, pp. 9–26.
21. Zeman S. Tempus und “Mündlichkeit” im Mittelhochdeutschen: zur Interdependenz grammatischer Perspektivensetzung und “Historischer Mündlichkeit” im mittelhochdeutschen Tempussystem. Berlin, Walter de Gruyter, 2010. 380 S.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Бондарь Владимир Анатольевич – кандидат филологических наук, доцент кафедры делового иностранного языка факультета иностранных языков Санкт-Петербургского государственного университета;

e-mail: alstar@inbox.ru; ORCID: 0000-0001-7636-0326.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir A. Bondar – Cand. Sci. (Philology), Assoc. Prof., Department of Languages for Academic and Business Communication, Faculty of Foreign Languages, Saint-Petersburg State University;

e-mail: alstar@inbox.ru; ORCID: 0000-0001-7636-0326.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Бондарь В. А. Немецкий перфект на пути к претериту: средневерхненемецкий период // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2021. № 6. С. 90–102.

DOI: 10.18384/2310-712X-2021-6-90-102

FOR CITATION

Bondar V. A. German perfect on the path towards preterite: the Middle High German period. In: *Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics*, 2021, no. 6, pp. 90–102.

DOI: 10.18384/2310-712X-2021-6-90-102